Крупин В.

14.10.92

Владимир КРУПИН

Книги всё толще, смысла всё меньше

Фото Владимира БОГДАНОВА

— Владимир Николаевич, в недавнем интервью «ЛГ» ваш преемник на посту главного редактора журнала «Москва» Леонид Бородин объяснил ваш уход тем, что «в ведении дел необходима определенная жесткость, резкость. Мягкость, заведомая расположенность Крупина к незнакомому человеку оказались словно бы излишними». Вы согласны с таким объяснением?

— Когда надо, я и твердым становлюсь. Что касается смены караула в «Москве» — это, думаю, совершенно нормально. Не верю я, что можно пятилетиями сидеть в кресле да еще и книги писать. Я смею думать, что «Москва» под моим редакторством обрела «лица необщее выраженье». Другое дело, чего это стоило, но в борьбе на раны не жалуются. Кстати, я и шел в журнал только на два года. И полтора года назад, упросив Бородина возглавить отдел прозы, я уже видел в нем будущего главного редактора. С Леонидом Ивановичем нас объединяет общее понимание позиции журнала в современном мире, позиции христианской. Мы не видим спасения России ни в демократах, ни в коммунистах, ни в митинговости. Мы — за народ, за русскую культуру, за нравственность. Для политиков, для всех народ — материал, для писателя народ — источник творчества и объект защиты как раз от политиков.

— Но сейчас почти все писатели — политики. Посмотрите телевизор.

— Телевизор я не смотрю и выступать по нему отказываюсь, хотя раньше грешил и на будущее не зарекаюсь. Но сейчас, когда вся страна превращена в Гайд-парк, когда недержание слов из говорильни парламента растекается повсеместно, достойнее молчать... Вообще не надо бы писателям лезть в политику. В ней они могут одно — завести в тупик тех, кто еще слово «писатель» ассоциирует с прежним его значением в России. Но это пройдет. Писателей будут изгонять из политики, и это очень хорошо. Ни им, ни священнослужителям делать в политике нечего. Сейчас писатели потеряли уважение к себе, и по этому случаю идет вселенское нытье. Где прежнее почитание печатного слова? Писатели живут, как кошки с собаками (выражение Достоевского), союзы и ассоциации множатся делением и почкованием, а писателей настоящих как были единицы, так и остались. Кто настоящие? Ответ один: те, кто наиболее народен, — Астафьев, Белов, Распутин. А в политику писатели идут от тщеславия, от желания мелькать, быть на виду.

— Тогда в тщеславии придется обвинить и Белова, члена парламента, и Распутина, члена президентского совета, и Бондарева, пережившего моральную травму, когда в Волгограде его не избрали депутатом.

— Сейчас ругать Бондарева — это общее место демократической прессы. Когда он был на вершине писательской власти, непрерывно издавался, выступал, учил, тогда я был склонен ругать его. В 81-м году в Тбилиси на симпозиуме по современному роману я сказал: «Чем больше Бондарева хвалит, тем хуже он пишет». Это было напечатано в «Литературной Грузии», даже смелая «Литературка» Чаковского не смогла бы отважиться на такое. Официальный стройный хор лизоблюдов испортил не один талант. Вообще для писателя несправедливость к нему всегда на пользу таланту...

— Вы это, наверное, и к себе относите, когда вас били за «Сороковой день». Нервы, силы, здоровье не в счет. Простите, перебила.

— Касательно Белова и Распутина. Распутин сопротивлялся избранию изо всех сил, потом посчитал, что это возложено на него судьбой. Он сделал огромное количество добрых дел по спасению культуры, природы, многих человеческих судеб. Сейчас в него летит много ругани, это показывает его силу. Дошли до клеветы. Говорят, что он строит дачу в Подмосковье — вранье. Что собирал в Америке деньги со старух — вранье. Он получил пожертвования от конкретных лиц на конкретный журнал. На какой—легко догадаться, на «Москву», купил телефакс на эти же деньги для нас. Список пожертвований мы печатаем в журнале. Не наша вина, что журнал выходит с огромным опозданием. Чья вина? А вот покараульте у подъезда Министерства печати и информации г-на Полторанина, как однажды мы делали с Бородиным, — поймете.

И вот за это вранье никто никогда не ответит — демократия. Сам же Распутин (знаю его более двадцати лет) никогда не опустится до уровня этого лая. Кто верит этому вранью — тому такая и цена, а кто любит книги Распутина, его труды во спасение России — того клевета не прошибет.

Белов же сам недавно сказал в интервью, что ему было как писателю интересно пойти в высшие сферы власти. Думаю, что его выступления хотя бы у немногих парламентариев, но разбудили совесть.

— Владимир Николаевич, вот вы всех парламентариев в бессовестности обвиняете, но их ведь народ выбирал, а вы, как сами сказали, народу доверяете. И потом, выделяя одних литераторов, пошедших в политику из чувства боли за Отечество, вы, выходит, отказываете в нем другим?

— На результаты глядим. Вообще странно, что «Литгазета», орган демократический, говорит с врагом демократии. Почему так? Потому что демократия изобретена плутократами и с помощью демагогии (это была специальная наука в Древней Греции) внедрена в сознание людей. Они якобы имеют власть. Какую? Прошли века, суть демократии неизменна. Люди высказываются за сохранение страны — она рушится; людям глубоко противна порнография — ее внедряют; люди не хотят называть спекуляцию предпринимательством — кто их слушает? Демократы — разновидность глухарей, они упоены только своими песнями. Ворье, жулье, проститутки — вот кто счастлив при демократии. Да еще сексуальные меньшинства.

— Владимир Николаевич, можно подумать, что ворья, жулья и проституток (самая древняя, не так ли?) вообще никогда не существовало в истории человечества. Зная ваши общественные ориентации и духовные предпочтения, трудно, конечно, заподозрить вас в симпатиях к демократам. Но сейчас я говорю не с патриотом или демократом, а именно с человеком, причем совестливым и ранимым, и хочу по-человечески понять ваше неприятие новых реальностей, демократических тенденций преобразования, которые пока и демократическими-то назвать трудно. Итак, вы против преобразований, в конечном счете направленных на построение общества частного капитала. Извините за наивность вопроса, но я действительно не понимаю: вы за коммунизм?

— Нет. Коммунизм — главное вранье мировой идеологии. Его лозунг о царстве справедливости на земле лжив: жизнь на земле — страдание, и другой никогда не было и не будет. Идеи коммунизма как европейские призраки еще покружатся над доверчивыми или ленивыми головами, но будущего у него нет. Но и демократия, повторяю, для России совершенно чужда. Это снова рай из-под палки. Прикормленная милиция будет защищать наворованную частную собственность, бездомных приткнут в ночлежку, дадут тарелку супа, любым партиям дадут голосить; люди будут думать, что они кому-то нужны. Нет, вся моя вера в то, что человек, понимая греховность, избавляется от нее. Да еще надо крепить семью. В ней спасение. Да еще не смотреть телевизор. И тут никакой строй не страшен.

— А вы уверены, что, живописуя все эти ужасы, вы обвиняли именно демократию как реально существующую организацию общественной жизни цивилизованных стран, а не теоретические выкладки древних греков? Ну хорошо, а что вы предлагаете — вернуться к новгородскому вече?

— Да, при всей его крикливости оно было совершеннее поименного голосования, о котором доносят стукачи-компьютеры.

— Позвольте усомниться в обеих частях вашего заявления. Впрочем, воля ваша так считать...

— Но и вече не вернется, а вот женщина, задавленная Петром, могла бы вернуться.

— Не по тому ли пути идут парламенты и конгрессы в опять-таки цивилизованных странах — уж извините, повторением этого слова никак не хочу давить на больную мозоль.

— Когда так говорят, то вроде как бы само собой подчеркивается, что мы не цивилизованы. Нет, Россия (я не политик, для меня главный прогресс — нравственность человека) идет впереди всех в этом мире, оттого так на нее все и ополчились, оттого так радостно ее учат жить юные страны вроде Америки, задолжавшей всем и вся.

Земское собрание — не парламент, в нем территориальные и сословные интересы не противоречат, а поддерживают друг друга. Смысл партийной борьбы — борьба за власть, смысл деятельности земских собраний — благо народа.

— Ваш тезис, на мой взгляд, весьма спорен, но это тема отдельного разговора с более компетентным в этом вопросе, чем я, собеседником. Кстати, о партии, вы ведь вышли из рядов КПСС, членом которой были долгие годы, потому, как вы говорили, что коммунисты притесняли церковь, отдали религию на поругание?

— Да, в 90-м году я снял с души этот грех. Но поливать грязью свое членство не хочу: вступал в партию не для карьеры, вышел не из корысти. Видел в партии и подлецов, и хамов, особенно из низовой номенклатуры, с верхней я дел не имел, но видел и самоотверженность в служении людям. Теперешний суд над КПСС — зрелище для дураков. Какой он конституционный, во-первых, если нет Конституции? Во-вторых, при чем тут КПСС? Идеология античеловечна? Судите марксистов, выкапывайте гробы, отрясите прах от документов ВКП(б), РКП, судите перекрасившихся демократов. Кто Ельцин? Тот, кто со свечкой стоит и панибратски общается с небесами (его, оказывается, только Господь от президентства избавит)? Или тот, что в Свердловске и в Политбюро? Судить надо воров и взяточников и разжигателей конфликтов, но это конкретные люди. Повторяю, КПСС не защищаю, но мы уже долгое время идем в светлое будущее под властью демократов, и именно при них льется кровь. Валить все на коммунистов — главное у демократов в оправдывании обнищания народа, но тут кошка скребет на свой хребет. Люди видят: при хороших демократах все подорожало в сто раз, а при плохих коммунистах картошка стоила десять копеек. Сейчас она подорожала в триста раз. Люди оперируют конкретными понятиями. Жизнь стала полна страха, человек не защищен, защищены только денежные воротилы.

— А раньше страха не было и человек был защищен? И люди не жили от зарплаты до зарплаты, и пенсионеры не получали копейки? В чем же вы видите спасение?

— В чем спасение? В понимании, что нет системы, к которой можно приспособить, приучить, пригнуть Россию. Не Россия для системы, а система для России, исходя из ее исторического пути. Ничего не сделать без понимания определяющей роли религии в России. Можно и в монастыре погибнуть, и в бардаке спастись, если душа откроется Богу, а сознание — вечности.

— Однако именно в последние годы церковь, как говорится, расправила крылья, и сегодня как будто нет преград для возрождения религии. Нравится вам это или нет, но бесспорно, что это заслуга уже новой власти.

— Любая власть есть насилие. Кроме традиционной для России. Свобода вероисповедания — не заслуга новой власти, а ее вынужденный, но и коварный ход. В гонениях вера крепнет, в поблажках слабеет. Иконы рядом с алкогольным пойлом, кресты на продажу у ног иностранцев — это свобода религии? Православию стало еще тяжелее. Всем почет и место — католики с экрана не слезают, все секты, все раскольники вышли на улицы, кришнаиты... кто угодно. Видимо, тут Промысел в том, чтобы дать всем выкричаться, чтобы снова и снова понять — спасение в Православии.

— С одной стороны, вы сетуете на то, что демократы СССР разрушили, с другой — недовольны выходом на свет; так сказать, различных вероисповеданий. Однако СССР отличался многообразием конфессий...

— Благодатный небесный огонь зажигает свечи в Иерусалиме только по молитве православных священников. Напоминать ли о случае, когда православные были удалены из храма, то огонь вышел из мраморной колонны около православных, а внутри храма пребывала темнота.

— А какая разница, спрошу вас, разжигаются ли войны на религиозной основе или на идеологической, кровь-то льется в любом случае?

— Простите, продолжу свою мысль. Русская литература — подспорье Православию. Было так и должно быть. А она, литература, несколько веков шарахается по углам сюжетов, жанров, перепевов... Ушла от традиций Нестора и Илариона, от совпадения слова и его значения. Книги все толще, смысла все меньше. Сейчас и вовсе — ширпотреб разврата и детектива. Это жатва посеянного. Описание методов плавки и посадки кукурузы возвеличивалось — и тут же развратные книги Рабле и Боккаччо, например, объявлялись великими. Говорят — обличение блуда. Вздор! Это пропаганда его. Так же, как эротика — это технический суррогат любви в ее отсутствие. У Рабле весь путь к оракулу божественной бутылки. Или чувственность восточных сказаний, или жестокость немецких сказок... все валилось на нас, все объявлялось вершиной, на все предлагалось смотреть как на образец для подражания, а на самом деле для русской литературы это все давно в подножии.

— Право, от человека с высшим образованием, писателя мне диковинно слышать, что произведения Боккаччо — это пропаганда блуда... Тогда и «Ночь на Лысой горе» Мусоргского можно окрестить сексуальным гимном. И тем не менее спустимся с небес на грешную землю. Праведников, которых вы приводили в пример, во все времена было мало. Зато не стареет пословица «сытый голодного не разумеет». Переведу разговор на житейскую тему. Вот вы обитаете в центре Москвы в трехкомнатной квартире с кнопочным телефоном, имеете машину. У вас много книг и икон. Любой человек, живущий хуже, вправе ожесточиться: хорошо ему проповедовать освобождение от всего суетного...

— Икон-то было еще больше, сгорели. Недавно пожар у нас случился, кто-то поджег. Жалко икон, картин подаренных, книг жалко — наживали тридцать лет. А кнопочный телефон хоть и закоптился, а выжил, ему лет десять — подарок «Литературки» как лауреату, забыл какого-то года. «Литературка», кстати, а точнее, конкретно А. П. Удальцов, в 85-м сделала все, чтобы я поехал за границу, до того не выпускали. Хорошо бы узнать у новых чекистов: за что не выпускали, кому обязан такой радостью? Я не оговорился: за границу поехал в сорок пять, зато много ездил по России и по теперешнему ее ближнему зарубежью. А квартиру получил после многолетнего ожидания, уж когда был секретарем всех союзов—и московского, и российского, и «большого». Но и в ней кабинета нет и не бывало, и это не жалоба. Дача ума не прибавляет, как и квартира. А за пожар судьбе благодарен. Сильно переживали, но есть правило: кого Бог любит, того наказывает.

— Я вам глубоко сочувствую.

— Да не надо сочувствия, я же говорю, что облегчение испытал.

— Так же, как и вся ваша семья?

— Ой, нет. Жена, бедная, весь ремонт на себе вынесла: попробуй теперь достань краску, обои и все прочее. Какое для нее там облегчение!

— Владимир Николаевич, а может, хватит нам в страданиях совершенствоваться? Может, пора уже по-человечески жить? Простите за некорректность сравнения, но вы же не на пепелище живете, чистенько у вас, уютно, красиво... Вот вы говорите, что Россия все время экспериментирует, оттого и страдает. Но сейчас как будто эксперимент завершился, мы встаем на путь уже апробированный...

— По-человечески жить — я в это понятие другое вкладываю, вовсе не агитирую никого идти следом. Но твердо знаю: чем меньше человеку надо, тем он сильнее, тем легче ему расставаться с жизнью. Тем более мы же в России: сегодня я в кабинете, завтра в камере.

Об эксперименте: не Россия экспериментирует, а над ней экспериментируют, сейчас примеряют одежды демократии и мондализма.

— Да кто примеряет-то, как не сама жизнь! Ведь не может же она, жизнь, — пусть и в России — стоять на месте.

— Россия живет по своим тайным законам. Буш забавно пошутил насчет русского медведя, что с ним покончено. В ответ на это русский медведь может зашевелиться. Но лучше не надо.

— Вот с этим я согласна — пора уже из медведя в человека превращаться...

— Россия созрела для ненасильственных преобразований. Ничего с ней за семьдесят лет не случилось, были и похуже времена, например, сейчас. Сейчас не социализм, не капитализм, сейчас сволочизм, царство блуда, телесного и нравственного. Но и это знак любви Божией к России, и это для испытаний. Повторю: кого Бог любит, того и наказывает.

— Я бы, может, и согласилась с вами, да вот детей жалко. Их-то за что наказывать? Приходится из России наших детишек вывозить на лечение и отдых в нелюбимую Богом Европу, Америку, Австралию... Ну да ладно. Я вот тут у вас на Арбате плакат видела: «Не бывать Бориске царем на Руси!». Как вы относитесь и к плакату, и к его объекту?

— Замашки царские есть у него. Приезжает в Саров, шутит: давно у вас царя не было; приезжает на Валаам, Петра вспоминает... Не по чину берет, оттого и такой плакат. Мне всех жалко, даже Ельцина. Удел всех правителей в России — уходить в анекдоты, в оплевывание, в бесславие. Ельцин врет много, уже проврался, но врет искренне, такое ноздревское: цен не повышу, лягу на рельсы. Не лег. Оказывается, Варенников хотел его убить, это кто-то Ельцину из его «шестерок» внушил. Варенников официально, юридически бесспорно опровергает ложь — Ельцину трава не расти. Самое противное в прошлом августе то, что Ельцин многократно хвалился, что ему Буш звонит по два раза на дню. Да Бог с ним. Еще того противней, как наши писатели заискивали перед победителями, особенно наши писатели-дикторы.

— Увы, дезинформация идет и слева, и справа. Чего стóят сообщения об убитых во время демонстраций у Останкина на страницах «Советской России» или иные публикации «Дня», членом редколлегии которого вы являетесь.

— А я верю, что были убитые. Ведь у Останкина наполовину были приехавшие, немосквичи. Но упрекать в дезинформации газеты, которые при всех ошибках — а у кого их нет! — стоят за простой народ, значит, стоять не на стороне народа.

— А что, «Вечерняя Москва», к примеру, не за простой народ? Владимир Николаевич, хотите вы или нет, но подобные противопоставления как раз и разжигают страсти, сеют вражду.

— Давайте «Литгазету» вспомним, как она щекотала нервы сообщением о датах погромов — их не было и не будет.

— Если не считать, например, свалки в ЦДЛ, когда и молодчики в черных рубашках — отнюдь не писатели — были, и очки разбитые, у писателя, между прочим...

— Хотя погромы эти, особенно кино и телевидение, накаркивают. Стыдно повторять, что сейчас молотят в кино. Или совсем недавно «Литературка» сообщила, что лексика моих произведений не отличается от лексики моих выступлений на митингах. Я ни разу в жизни не выступал на митинге, не могу же я опуститься до уровня пародистов. Что касается «Дня», то, что о газете «День» говорят постоянно, показывает ее энергию и талант ее создателей. Я, кстати, в свое время на обсуждении кандидатуры главного редактора «Литгазеты» на секретариате СП СССР выступал за Проханова, это «Литературка» сообщила. Но нет, коллективу очень хотелось Бурлацкого. Потом очень захотелось его стрескать, тому же коллективу. Но это кстати. Что касается редколлегии — это пережиток тоталитарной системы, никакая редколлегия в делах газеты не участвует, газету делают штатные сотрудники, и так везде.

— Владимир Николаевич, неужели вы серьезно думаете, что вот все эти идеи Новгородского вече, земского собрания перспективны с точки зрения восприятия их молодыми? Вы только не обижайтесь, но, по-моему, это этнографический музей-заповедник: посетить его хорошо, но жить в нем невозможно.

— Мы в России, а в ней нет ничего несбыточного. Идут последние времена, у меня ощущение, что «Конец света был вчера», так я хотел назвать свою последнюю работу, но назвал не столь публицистично, — «Как только, так сразу». Мы в России, которая доселе никем не понята и самими русскими до конца не постигнута. Я смотрю в окно, иду по улице, вижу лица, лишенные национальных черт, экономическое поколение, обреченное поколение, потерянное для вечности поколение. Мне говорят: гласность — завоевание демократии. Но я всегда говорил то, что думал. А сейчас что толку говорить, если никто не слышит. Ну обличим мы воровство — оно усиливается, ну упрекнем мы правительство во вранье — оно отмахнется. Россия затаилась, она больше не хочет жертв. А городской митинговой толпе нужно зрелище. Я устаю от города, отсюда моя тяга к деревне, природе, все больше радуюсь одиночеству. Но в одиночестве особенно обостренно думается об ужасах современности, о том, как легко обманывать людей, особенно русских, используя их доверчивость. А ведь доверчивость — прекрасная черта, так же как хитрость — черта сатанинская.

— Значит, Колобок, который и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, был и не Колобком вовсе? И тогда среди нарисованного вами апокалиптического пейзажа вы думаете о сильной руке?

— Тогда я думаю, что чересчур затянутые гайки ведут к взрывам, но чрезмерная расхлябанность ведет к тем же. Предотвратит это власть жесткая, но не жестокая, строгая и справедливая. Ворье, жулье, проституция, осчастливленные демократией, должны прижать хвосты. Такому правительству народ поверит. Верить правительству, предающему бывшие дружественные народы (Сербия, Ирак) из подхалимства перед валютными воротилами, я не хочу.

Но в конце вернусь к своему цеховому интересу, к культуре. Не верю, что обогащенная мафия захочет культуры. Она захочет обогатиться еще и еще. Конечно, прикормит тех, кто будет ее славить да потешать. А «шестерки» всегда найдутся, особенно в интеллигенции. Воспоют новых Бендеров, это Бендéры мы скоро забываем, а Бéндеры правят бал. Наша культура пляшет по заказу сытых. Уж если правительство так заискивает перед Западом, пусть возьмет примером содержание музеев, театров, галерей, библиотек, во многом издательств за казенный счет. Этим гордятся. А у нас заставляют идти по миру христорадничать. Как председатель гончаровского комитета я досыта нахлебался унижений, когда мы, готовя международную конференцию в Ульяновске, писали десятки просительных писем в различные банки и фонды. Никто не дал ни копейки. И только миллион раз оплеванный местный патриотизм выручил — откликнулись объединение «Симбирскдиалог», совхоз «Декоративные культуры», фабрика переработки шерсти из Инзы, объединение «Автоуаз». Они позволили не упасть в грязь лицом перед иностранцами, перед потомками великого русского писателя.

Все мы поверяемся одним — любовью к России, другого критерия нет.

— Да кто ж с этим спорит, Владимир Николаевич! Только вот и вам перед иностранцами срамиться за нашу нищету и убогость не захотелось...

Беседу вела
Елена ГРАНДОВА